

© 2000 г. Е.В. УРЫСОН

РУССКИЙ СОЮЗ И ЧАСТИЦА *и*: СТРУКТУРА ЗНАЧЕНИЯ*

0. Введение. Русский сочинительный союз *и*, являясь одним из наиболее употребительных служебных слов, как будто лишен собственной семантики. В толковых словарях его значение по существу не эксплицируется – описание союза *и* сводится к указанию контекстов, в которых он употребляется. Ср., например, следующую формулировку из МАС: “Употребляется для соединения однородных членов предложения и предложений, представляющих собой однородные сообщения” [МАС: 625]. При этом словари представляют союз *и* многозначным (ср., например, [МАС; БАС; Словарь Ушакова]). Так, МАС, наряду со значением, приведенным выше, выделяет в этом союзе еще 11 основных значений, объединенных в шесть блоков. В частности, разные значения усматриваются у этого союза в следующих контекстах: *Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца* (А.С. Пушкин) и *Мы простились еще раз, и лошади поскакали* (А.С. Пушкин). По МАС различие между данными двумя значениями *и* заключается в следующем: в первом примере союз *и* соединяет предложения, представляющие собой “однородные сообщения”, а во второй фразе *и* соединяет “предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий” [МАС: 626]. Однако, исходя из подобного описания, естественно сделать лишь тот вывод, что союз *и* свободно соединяет самые разные предложения (см. об этом, в частности [Пешковский 1956; Белошапкова 1967; Санников 1989]). Остается совершенно неясным, какова семантика данного союза.

Наряду с союзом *и*, в русском языке существует еще усилительная частица *и*. Ср.: *Его позвали, он и пришел; Наконец, все уgomонились. Заснул и Ваня*. Связаны ли в лексической системе современного языка союз *и* и усилительная частица *и*? Словарь Ушакова считает их лексемами одного слова. На сходство этих единиц указывается и в лингвистической литературе, см., в частности, [Николаева 1985]. Однако МАС считает эти единицы омонимами. При этом ни то ни другое решение не имеет надежного семантического основания – не предъявлено такое описание семантики союза и усилительной частицы *и*, из которого можно было бы делать вывод о наличии или отсутствии у этих единиц какой-либо семантической общности.

Не претендуя на исчерпывающее описание семантики союза и частицы *и*, остановимся на главных вопросах, возникающих при исследовании этих лексических единиц.

Союз *и* удобно описывать, сравнивая его с ближайшими “соседями” – сочинительными союзами *а* и *но*. Поэтому в предлагаемой работе содержатся некоторые замечания и об этих союзах.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99–04–00420А) и РФФИ (проект № 00–15–98866).

Автор благодарит Т.М. Николаеву и всех коллег, особенно Е.Э. Бабаеву, за ценные критические замечания, сделанные при обсуждении описания союза *и* на рабочем семинаре Сектора теоретической семантики Института русского языка РАН, а также на Семинаре по теоретической семантике и лексикографии (ИППИ РАН). Особую благодарность автор приносит Ю.Д. Апресяну.

1.0. Союз *и* как ослабленное обозначение причинно-следственного отношения. Союзы *а* и *но* в их основных употреблениях. Среди значений, обычно выделяемых у союза *и*, есть причинно-следственное. Оно усматривается в случаях (1) *Мне стало душно, и я вышел; Подул ветер, и с деревьев полетели желтые листья* и т.п. Но быть может, причинно-следственное отношение выражается здесь не союзом *и* как таковым, а контекстом? Действительно, если удалить из этих фраз союз *и*, то причинно-следственное понимание сохранится. Ср.: (1а) *Мне стало душно. я вышел; Подул ветер. С деревьев полетели желтые листья.* Очевидно, для того чтобы обосновать выделение причинно-следственного значения у союза *и*, нужно оперировать такими примерами, в которых причинно-следственное понимание зависит только от наличия союза *и*, никак не навязываясь контекстом или нашим знанием действительности.

Именно такой материал приводит В.З. Санников. Ср. следующие примеры: (2) *Коля ушел домой, а Петя остался в школе*; (3) *Коля ушел домой, Петя остался в школе*; (4) *Коля ушел домой, и Петя остался в школе* [Санников 1989: 186]. В этих фразах описаны одни и те же ситуации (события) – уход Коли домой и пребывание Пети в школе. Однако связаны эти ситуации по-разному. В первых двух примерах они поданы как независимые, в частности, Петя мог и не знать об уходе Коли. А в примере (4) эти ситуации связаны причинно-следственным отношением. "Петя наверняка знал об уходе Коли и пребывание Пети в школе связано с уходом Коли, является нормальной реакцией на этот уход. И приписать это значение нормального следствия можно лишь союзу *и* – поскольку все остальные компоненты во фразах совпадают" [Санников 1989: 186].

Вопрос о том, имеем ли мы в данном случае дело с отдельным значением, т.е. лексемой союза *и*, или всего лишь с особым употреблением этого слова, будет решен ниже. Пока будем говорить о причинно-следственном употреблении союза *и*. В первом приближении оно эксплицируется так:

Х, и Y [*Коля ушел домой, и Петя остался в школе*] = 'X; Y; X вызывает Y; это нормальный ход событий'.

Ср. еще некоторые примеры, в которых причинно-следственное отношение выражается союзом *и* – при удалении этого союза высказывание превращается в перечисление ситуаций, в простую констатацию фактов: (5) *В начале мая петербургский сезон начинал замирать, и все понемногу разъезжались* [все понемногу разъезжались, потому что сезон замирал] VS. *В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались* (А. Ахматова) [констатация двух фактов]; (6) *Книгу нельзя было послать даже в Москву, и она вся разошлась в Петрограде* [книга разошлась в Петрограде, потому что ее никуда нельзя было послать] VS. *Книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде* (А. Ахматова) [констатация двух фактов].

Указывая на причинно-следственное отношение, союз *и* сочетается со словами *поэтому, потому, следовательно, тогда* и т.п. Ср.: (7) *Он уезжает, и поэтому она несчастна; Маша в кино, и, следовательно, квартира не убрана; Бабы выходили на работу в поле в домотканых сарафанах, и тогда старухи и топорные девки казались стройнее античных статуй* (А. Ахматова).

Безусловно, мы часто понимаем, что ситуации связаны причинно-следственным отношением, поскольку знаем, как устроен наш мир. Поэтому бессоюзные предложения в приведенных выше парах могут быть поняты так же, как предложения с *и*. Однако в предложениях с союзом *и* соответствующий смысл выражен лексически, а в бессоюзных предложениях мы имеем дело с естественным смысловым выводом.

Ближайшие аналоги данного употребления союза *и* – это союзы *но* и *а*, которые в своих самых ярких употреблениях тоже отражают представление о норме (см. [Левин 1970; Санников 1989]). Ср.: (8) *Ему стало больно, но он не заплакал; Петя ушел*

домой, но Коля (несмотря на это) остался в школе; (9) День был дождливый, а Коля не взял зонт; Дело к весне, а мороз все жестче.

Союз *но* в этом его значении эксплицируется так (по существу, мы модифицировали толкование *но*, данное в [Санников 1989: 156]):

Х, но Y [*Ему стало больно, но он не заплакал*] = '*Х; Y*'; это не является нормальным ходом событий; при нормальном ходе событий *Х* вызвал бы нечто противоположное *Y-y*'.

Что касается союза *а*, то он в интересующем нас значении часто заменим на *но*, ср. *День был дождливый, но Коля не взял зонт; Дело к весне, но мороз все жестче*. Однако "союз *но* указывает на з а в и с и м о с т ь компонентов *Х* и *Y* (Коля з н а л, что погода дождливая, и все-таки не взял зонт); союз *а* описывает события как н е з а в и с и м ы е (возможно, когда Коля собирался, дождя еще не было)" [Санников 1989: 170–171]. Независимость ситуаций при союзе *а* подтверждается тем фактом, что предложения, соединяемые с его помощью, можно менять местами. Ср.: *День был дождливый, а Коля не взял зонт* – *Коля не взял зонт, а день был дождливый*. В высказываниях с союзом *но* такая перестановка как минимум не желательна. Ср.: *'Коля не взял зонт, но день был дождливый* (подробнее об этом см. [Санников 1989]).

Зависимость одной ситуации от другой мы, вслед за В.З. Санниковым, описываем с помощью смыслового компонента 'ход событий'. Говоря о том, что ситуации не зависят друг от друга, в частности – не связаны причинно-следственным отношением, мы (тоже вслед за В.З. Санниковым) будем пользоваться компонентом 'сочетание ситуаций'. Ср. возможную экспликацию союза *а* в данном его значении (мы несколько модифицировали толкование *а*, данное в [Санников 1989: 170]):

Х, а Y [*День был дождливый, а Коля не взял зонт*] = '*Х; Y*'; *Y* не зависит от *Х-а*; сочетание *Х-а* и *Y-а* ненормально; нормально сочетание *Х-а* и чего-то противоположного *Y-y*'.

1.1. Экскурс в теоретическую семантику. Союз *и* в данном употреблении кардинально отличается от обычных причинно-следственных союзов и предлогов, ср. *из-за, благодаря, потому что, по причине, поэтому, следовательно* и т.п. Дело в том, что соответствующий компонент значения не находится в ассерции союза *и*. Этим же союз *и* отличается от глаголов и глагольных выражений типа *вызывать, влечь (за собой), быть причиной, быть следствием* и др. Это, очевидно, связано с тем, что союз *и* в этом употреблении обозначает такой ход событий, который считается известным, нормальным, т.е. полностью соответствующим нашему знанию ситуации, нашим представлениям об устройстве мира. При этом союз *и* вообще не имеет ассерции – указание на причинно-следственную зависимость просто мерцает где-то в самой его глубине.

Возникает закономерный вопрос: можно ли эксплицировать семантику служебного словечка, не имеющего ассерции, через полнозначный и к тому же стилистически отмеченный глагол вроде *вызывать*? Ведь союз *и* настолько стерт, что, скорее всего, не имеет и каких-то смысловых компонентов, входящих в значение этого глагола.

Строго говоря, союз *и* в данном употреблении нельзя истолковать не только через глагол *вызывать*, но и через какую-либо другую русскую лексему, обозначающую причинно-следственное отношение, – все соответствующие русские слова устроены явным образом сложнее. В частности, в союзе *и* полностью стерты те компоненты лексем, выражающих причинно-следственное отношение, благодаря которым эти слова отличаются друг от друга¹. Таковы, например, семантические акценты, создающие различия между конверсивами, а также между разными частями речи. Действительно, семантика союза *и* в приведенном употреблении одинаково эксплицируется и через

¹ Ср. в связи с этим тонкие смысловые различия между причинно-следственными предлогами, описанные в [Иорданская, Мельчук 1996; Левонтина 1997].

компонент 'вызывать', и, например, через компонент 'следовательно'. Ср.: *Коля ушел домой [X], и Петя остался в школе [Y] = 'X, следовательно Y; это нормальный ход событий'.*

При этом союз *и* "затертее" и в силу этого проще и других единиц, которые входят в его толкование, ср. 'нормальный' и 'ход событий'. Получается, что союз *и*, по крайней мере, в данном употреблении не может быть истолкован средствами естественного, русского, языка, т.е. средствами метаязыка, представляющего собой подъязык языка-объекта.

Следовательно, в рамках семантической теории Ю.Д. Апресяна данное употребление союза *и* является семантическим примитивом. Действительно, в этой семантической теории "семантическая примитивность определяется структурой лексики самого описываемого языка: лексема *L* считается примитивом, если в данном языке не существует других лексем $L_1, L_2, \dots, L_n$, через которые ее можно было бы истолковать" [Апресян 1995: 480].

Однако мы убедились, что союз *и* в данном употреблении не является действительно неразложимой единицей – в его значении выделяются как минимум три семантических компонента: нечто вроде 'вызывать', нечто вроде 'нормальный' и нечто вроде 'ход событий'. Какова природа этих семантических компонентов?

Все эти семантические единицы проще, "меньше", чем выбранные для их обозначения русские лексемы (словосочетания). Поэтому, строго говоря, данные семантические компоненты не могут быть обозначены никаким реальным русским словом или выражением. Такие смыслы, меньше любой реальной лексемы, а потому и не имеющие адекватного выражения на естественном языке, Ю.Д. Апресян назвал семантическими кварками [Апресян 1995]. В этой же работе было отмечено, что семантические кварки бывают разных типов.

Некоторые семантические кварки – это те смысловые нюансы, которыми различаются семантический примитив и слова, близкие ему по смыслу; ср. *хотеть* (примитив) и *хотеться*, *желать*. Подобными семантическими нюансами различаются и семантические примитивы разных языков, ср., например, русск. *хотеть* и англ. *want*. Именно такие семантические кварки создают неуловимое национальное своеобразие лексики каждого естественного языка. Кварки данного типа естественно описывать с помощью дескрипций. Ср., например, описание глагола *хотеться*: "Желание рассматривается как результат действия какой-то трудно определимой силы, присутствие которой человек ощущает в себе" [Апресян 1995: 478–480].

Помимо таких смысловых нюансов, в национально-специфичном примитиве выделяется, очевидно, и некое смысловое "ядро" (ср. "идею чистого желания" в глаголах *хотеть*, *желать*, *want*, *wish* и т.п.). Оно лежит в основе значения и данного национально-семантического примитива, и его синонимов, и его квазиэквивалентов в других языках. Этот смысловой компонент, очевидно, представляет собой кварк другого типа. Семантические кварки такого типа естественно обозначать символами (словами) искусственного логического метаязыка.

Семантические кварки третьего типа еще более системны – они входят в значение многих лексических единиц данного языка, тем самым организуя их в классы. Примеры таких кварков – стативность (см. [Апресян 1995]) или частеречная семантика, например, семантика имени существительного. Последний кварк входит в значение всех слов, являющихся существительными, создавая семантические особенности данной части речи, иногда совершенно неожиданные (см. об этом [Урысон 1996; 1998]). Такие семантические кварки тоже естественно обозначать особыми символами.

Вернемся к нашей экспликации причинно-следственного употребления союза *и*. В ней, очевидно, участвуют кварки. Один из них – это тот "ядерный" кварк, который лежит в основе семантики слов типа *причина*, *благодаря*, *потому что* и под. Два других кварка участвуют в экспликации значения и некоторых других русских союзов, создавая системное различие между ними (см. выше). Строго говоря, все единицы,

участвующие в разложении союза *и* в данном его употреблении, корректно обозначать не русскими лексемами, а особыми символами. Мы, однако, будем пользоваться естественным метаязыком, отдавая себе отчет в том, что используемые нами слова – это в большой степени выхолощенные, не настоящие, лексемы русского языка.

Итак, союз *и* в данном употреблении разложим на более мелкие единицы и поэтому не может быть универсальным, "истинным" семантическим примитивом, т.е. примитивом в смысле А. Вежибицкой. Однако он не толкуем через реальные лексемы русского (или какого-либо другого) естественного языка, а потому, в рамках теории Ю.Д. Апресяна, является национально-специфичным семантическим примитивом. Строго говоря, нетолкуемыми в рамках данного естественного языка могут оказаться не только словечки типа *и*, но и многие другие русские лексемы. Действительно, поскольку лексемы естественного языка толкуются через семантические примитивы, а для обозначения последних используются слова естественного языка с их специфическими смысловыми нюансами, то получается, что эти нюансы попадают и в толкования тех слов, которые явным образом содержат лишь "ядерную" часть примитива. "Семантический примитив будет привносить в толкование лексемы и свои семантические надбавки, а они могут оказаться совершенно ненужными с точки зрения толкуемого смысла" [Перцов 1996: 18].

Мы не исключаем, что союзы *но* и *а* в данных их употреблении тоже могут быть признаны нетолкуемыми. Действительно, в предложенных экспликациях участвуют семантические компоненты 'вызвать', 'ненормальный', 'ход событий', 'зависеть от', 'сочетание ситуаций', 'противоположный', которые могут оказаться семантически более сложными, нежели толкуемые через них коротенькие служебные слова.

Ясно, однако, что независимо от того, объявим ли мы союз *и* национально-специфичным примитивом или нет, данная экспликация позволяет выявить связи этого союза в лексической системе языка, описать своеобразие русской языковой картины мира.

2.0. Союзы *и* и *а* как маркеры "развития повествования". В следующей фразе союз *и*, безусловно, не выражает причинно-следственное значение. Ср.: (10) *Отец занимался тогда французским, и преподаватель ходил к нему на дом.* Союз *и* как будто вообще ничего здесь не выражает. Действительно, какая разница между, например, (10) и соответствующей фразой без союза или текстом, состоящим из двух фраз? Ср.: (10а) *Отец занимался тогда французским, преподаватель ходил к нему на дом;* (10б) *Отец занимался тогда французским. Преподаватель ходил к нему на дом.* Ясно, что смысл как таковой в (10), (10а) и (10б) один и тот же. Единственное возможное различие между этими примерами – в нюансах организации, подачи данного смысла. В (10а) есть сигнал того, что после первого из сочиненных предложений следует продолжение – это просодия, которая на письме передается запятой. В (10б) можно "вставить" такой просодический сигнал, однако он необязателен – первая фраза данного текста может, вообще говоря, завершать целый текст. А в (10) соответствующий сигнал дан дважды – с помощью просодии и лексически, т.е. союзом *и*.

Но сигналом продолжения может быть не только союз *и*, но и, например, союз *а*. Ср.: (11) *Отец занимался тогда французским, а преподаватель ходил к нему на дом.* Очевидно, что сочетание ситуаций, о которых идет речь в (11), отнюдь не является ненормальным, и, следовательно, союз *а* употреблен здесь в каком-то особом значении. Попытаемся уловить различие между *и* и *а* в данном случае.

Возьмем еще один пример: (12) *Ваня сидел и ел творог, и творог казался ему очень вкусным.* Если союз *и* заменить здесь на *а*, то получится, вообще говоря, сомнительный результат. Ср.: (12а) *Ваня сидел и ел творог, а творог казался ему очень вкусным.* Видоизменим теперь пример (12), ср.: (13) *Ваня сидел и ел творог, и творог был очень вкусным.* Эта фраза уже допускает замену *и* на *а*, ср.: (13а) *Ваня сидел и ел творог, а творог был очень вкусным.* Сформулируем различие между (13) и (13а) так, чтобы стала ясной и причина сомнительности примера (12а).

В примере (13а) – с союзом *а* – информация о том, что творог был вкусным, подается как совершенно объективная, не зависящая от восприятия данного конкретного субъекта (Вани). А фраза (13), точнее – ее вторая часть, вводимая союзом *и*, описывает не объективный вкус творога, а только субъективное ощущение Вани, т.е. то, как воспринимает вкус творога данный субъект. При этом в (13) ничего не говорится о том, был ли творог действительно вкусным. Тем самым, пример (13), в отличие от фразы (13а), выражает эмпатию говорящего к субъекту ситуации, причем эта эмпатия как бы скрывает истинное, объективное положение дел. Грубо говоря, в (13а) первое из сочиненных предложений повествует о Ване, а второе – о твороге, а в (13) оба сочиненных предложения повествуют о Ване. Это различие между (13) и (13а) естественно отнести на счет союзов.

Действительно, опустим в (13)–(13а) союзы. Ср.: (14) *Ваня сидел и ел творог. Творог был очень вкусным*; (14а) *Ваня сидел и ел творог, творог был очень вкусным*. Этот текст может выражать эмпатию к субъекту – при определенном прочтении из него может следовать, что Ване было вкусно. Но в отличие от (13), данный текст, даже выражая эмпатию, описывает не только ощущение Вани, но и объективный вкус творога: эмпатия к субъекту не заслоняет здесь собой истинного положения дел. Тем самым, текст (высказывание) без союзов занимает промежуточное положение между фразой с союзом *и* и фразой с союзом *а*. Союзы *и* и *а* устраняют эту своего рода амбивалентность бессоюзного высказывания (текста).

Союз *и* сигнализирует о том, что второе из сочиненных предложений – на ту же тему, что и первое предложение, т.е. повествование "развивается по прямой". В определенном частном случае такое сохранение темы предполагает и выражение эмпатии к субъекту, о котором шла речь в первом из сочиненных предложений, причем эта эмпатия может скрыть объективное положение дел.

Союз *а* сигнализирует о том, что второе из сочиненных предложений начинает свою собственную тему. При этом первое предложение в этом контексте воспринимается как экспозиция, "прелюдия" к новой теме. Вся фраза с союзом *а* в данном его употреблении предполагает какое-то продолжение: такая фраза – в отличие от фразы с союзом *и* – не может заканчиваться собой текст. Эта особенность союза *а* придает высказыванию особую неторопливость, создает ощущение размеренного повествования. Можно сказать, что союз *а* в данном употреблении – это сигнал о своего рода "повороте повествования".

Тем самым, союзы *и* и *а* в данном употреблении являются специфическими маркерами организации текста. Союз *и* можно назвать маркером "нормального развития повествования", а союз *а* – маркером "поворота повествования". Подобные лексические единицы А. Вежицка назвала метатекстовыми – в отличие от большинства слов, они не описывают мир, а устанавливают определенные отношения между фрагментами текста² [Вежицка 1978].

Приведем еще некоторые примеры с метатекстовым употреблением *и* и *а*.

(15) *Мы ехали в мягком вагоне, и проводником у нас был совсем молодой парень*;
(15а) *Мы ехали в мягком вагоне, а проводником у нас был совсем молодой парень*.
Примеры описывают одно и то же, однако подача смысла, повествование органи-

² В нашем случае этими фрагментами текста обычно являются сочиняемые предложения. Однако это не обязательно – союзы *и* и *а* могут употребляться и в абсолютном начале фразы и даже абзаца. Ср.: *Ваня ел творог. И <А> творог был очень вкусным*. Семантика союза от этого не меняется. Союз *и* может употребляться и в начале целого текста, создавая ощущения продолжения ранее начатой темы, при том что начало неизвестно адресату. Ср.: *И встретил Иаков в долине Рахиль* (А. Ахматова). Союз *а* тоже возможен в абсолютном начале текста. Ср.: *А ты теперь тяжелый и унылый, / Отрекшийся от славы и мечты* (А. Ахматова).

зованы по-разному. В (15) первое предложение повествует о субъекте, о езде субъекта в мягком вагоне, и второе предложение продолжает тему первого. В (15а) есть "поворот повествования" – первое предложение повествует о езде субъекта в мягком вагоне, а второе – о проводнике.

(16) *Глаза у Егорки рыбы, выпуклые, и веки с белыми, телячьими ресницами точно натянуты на них; (16а) Глаза [у Егорки] рыбы, выпуклые, а веки с белыми, телячьими ресницами точно натянуты на них* (Бунин, МАС). Примеры имеют один и тот же "объективный" смысл, но подан он по-разному. В (16) сочиненные предложения – на "одну и ту же тему": глаза Егорки, а в (16а) первое предложение – "на тему" глаз субъекта, а второе – "на тему" его век.

Аналогично и различие между (10) *Отец занимался тогда французским, и преподаватель ходил к нему на дом* и (11) *Отец занимался тогда французским, а преподаватель ходил к нему на дом*. Эти примеры описывают в точности одно и то же, однако в (10) второе сочиненное предложение подано как развивающее тему первого – оно тоже "про отца, про его занятия французским". А в (11) второе сочиненное предложение подано как начинающее новую тему: первое предложение в (11) повествует об отце, а второе – о его преподавателе французского.

Теперь мы можем сформулировать причину неудачности примера (12а) *Ваня сидел и ел творог, а творог казался ему очень вкусным*. В нем употреблен союз *а*, однако оба сочиненные предложения – на одну и ту же тему, оба повествуют о Ване. Союз *а* в таком контексте неуместен.

По нашему мнению, союз *и* является тем же маркером "нормального развития повествования" и в случае, когда соединяет "предложения, связанные друг с другом временной последовательностью излагаемых событий" [МАС: 626]. Ср.: (17) *Зазвонил телефон, и она сняла (не сняла) трубку; Мы простились еще раз, и лошади поскакали* (А.С. Пушкин).

Тот же маркер "нормального развития повествования" мы усматриваем и в следующих примерах, где союз *и* соединяет предложения, представляющие собой "однородные сообщения". Ср.: (18) *Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца* (А.С. Пушкин); *Рукава у нее [матери] были засучены, обнажая белые, толстые руки, и на безбровом, плоском лице выступали капли пота* (Л. Андреев).

Функцию маркера "нормального развития повествования" выполняет союз *и* и тогда, когда первое из сочиненных предложений указывает на условие или обстоятельство того, о чем говорится во втором предложении. Ср.: (19) *У меня был с собой плащ, и я в него иногда заворачивался, когда спал; Она не пошла в тот вечер в театр, и судьба отложила ее встречу с отцом еще на год; Она сидела молча, и ему вдруг стало ее жалко*.

Ср. еще некоторые предложения, в которых союз *и* является маркером "нормального развития повествования": (20) *В каретах, следующих за катафалком, сидели важные старухи с приживалками, как бы ожидающие своей очереди, и все было похоже на описание похорон в "Пиковой даме"* (А. Ахматова); *Она [бабушка] умерла, когда маме было девять лет, и в честь ее меня назвали Анной* (А. Ахматова); *Пароход уходил все дальше, гнал на песчаные берега длинные волны, качал бакены, и прибрежные кусты лозняка отвечали торопливым шумом на удары пароходных колес* (К. Паустовский).

Отметим, что примеры типа (17)–(18) демонстрируют не только нормальное развитие повествования: мы воспринимаем как нормальную саму последовательность, само сочетание обозначаемых ими ситуаций. Действительно, последовательность ситуаций в примерах (17) соответствует нашим представлениям (знаниям) о том, что обычно происходит после того, как люди попрощались, или что обычно делает человек, когда звонит телефон. Точно так же сочетание ситуаций в (18) соответствует

нашим общим знаниям о мире (например, о том, что когда человек работает физически, он может засучить рукава, а следствием физической нагрузки может быть пот). В связи с этим в [Левин 1970] союзу *и* приписывается значение общности, нормальности: при ситуации, обозначаемой первым предложением, обычно имеет место и ситуация, обозначаемая вторым предложением. (Тогда причинно-следственное значение союза *и* – это частный случай данного его значения.) Однако эта нормальность описываемого положения дел выражается отнюдь не союзом *и*. Действительно, высказывание *Стало тепло, и я надел шубу* прагматически столь же странно, что и высказывание без союза *Стало тепло, я надел шубу*. Следовательно, если в высказываниях типа (17)–(18) и выражен общий смысл нормальности данного положения дел, то его нельзя отнести на счет союза *и*. Кроме того, предложение с союзом *и* может вообще не предполагать никакой общности, нормальности сочетания ситуаций. Ср.: (21) *Лицо у нее было белое, и ужасно глупо выглядела брошка с бегущим оленем*³.

Как бы ни было выхолощено значение союза *и* в данном употреблении, он может соединять не любые два предложения. Этот союз уместен там, где есть развитие повествования. Нормально бессоюзное предложение (22) *Раненого не довели, он умер по дороге*, однако странно (22а) *Раненого не довели, и он умер по дороге*. В (22а) повествование не развивается – одна и та же ситуация описывается разными словами. Необычны также фразы типа *Зазвонил телефон, и на улице пошел дождь* – в данных предложениях трудно усмотреть какую-либо разумную общую тему (а причинно-следственное понимание данного высказывания противоречит здравому смыслу). Соответствующий текст и даже бессоюзная фраза более обычны. Ср.: *Зазвонил телефон. На улице пошел дождь; Зазвонил телефон, на улице пошел дождь*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Как обозначение причинно-следственного отношения союз *и*, очевидно, является двуместным предикатом. Поэтому в высказывании типа *Коля ушел домой, Дашу вызвали к директору, и Петя остался в школе* первые два предложения, связанные бессоюзно, объединяются как указание причины того, о чем говорится в последнем предложении, вводящим союзом *и*. "И" развития повествования" тоже можно рассматривать как двуместный предикат. В случае цепочки простых предложений типа *Мы простились последний раз, кучер взмахнул кнутом, и лошади поскакали* естественно считать, что в роли X-а тоже выступает вся цепочка предшествующих предложений, связанных бессоюзно.

2.1. Модификации "и нормального развития повествования". Описанному метатекстовому употреблению союзов *и* и *а* очень близко их употребление в начале вопроса, ср.: (23) *И зачем он это сделал? VS. А зачем он это сделал?*

Союз *и* указывает здесь, что данный вопрос – "на ту же тему", что это тот же самый вопрос, который уже задавался говорящим. Указание на повторение вопроса напрямую связано со значением усилительности, "навязчивости", которое имеет в таких контекстах союз *и*. Благодаря этому такие вопросы требуют особой просодии.

Что касается союза *а*, то он и в этом контексте сигнализирует о некоем "повороте мысли", о переходе к новой теме, благодаря чему создает впечатление "мягкого" начала. Ср.: *Зачем он это сделал? VS. А зачем он это сделал?; Почему ты остался дома? VS. А почему ты остался дома?* Начиная вопрос союзом *а*, говорящий дает понять адресату, что вообще-то он думал о другом, что этот вопрос только теперь пришел ему в голову и интересуется его умеренно, а потому он и не настаивает на ответе, не "давит" на адресата.

Еще одно употребление союза *и*, близкое рассмотренному, представлено в контек-

³ Благодарим за этот пример Ю.Д. Апресяна.

те восклицательного предложения, ср. (24) *И пел же он!* Такое высказывание уместно только если говорящий уже знал, что певец, о котором идет речь, поет необыкновенно. Фраза воспринимается как продолжающая тему, начатую ранее (как будто говорящий уже обсуждал этого необыкновенного певца).

2.2. Союзы *и* и *а* – маркеры развития повествования с точки зрения семантической теории. Тот факт, что союз *и* не является "чистой конъюнкцией", поскольку предполагает некое трудноуловимое единство описываемых ситуаций, отмечался неоднократно; см. [Дейк ван 1978; Lakof 1971; Николаева 1997]. В частности, Р. Лакоф заметила, что союз *and* накладывает определенные ограничения на сочиняемые предложения: они должны иметь общую тему (*topic*), причем эта тема не обязательно выражена в сочиняемых предложениях лексически – она может выводиться из пресуппозиций, знания ситуации, смысловых выводов и т.п. Однако Р. Лакоф, по ее собственным словам, «остановилась перед самым главным и интересным вопросом: "что же представляют собой сочинительные союзы с точки зрения семантики?"» [Лакоф 1971: 148]. Мы убедились в том, что *и* и *а*, по крайней мере в одном из своих употреблений, маркируют способ развития повествования. Но можно ли дать этим метатекстовым единицам толкование в обычном смысле слова?

На первый взгляд, кажется, что – да. Во всяком случае рассматриваемое употребление союза *и* как будто было истолковано А. Вежбицкой, причем действительно без привлечения чего-либо, относящегося к области "грамматики текста", т.е. выходящего за пределы собственно семантики. В [Wierzbicka 1996] предлагается следующая экспликация союза *и* в контекстах типа *Пришел отец, и мать его увидела*:

‘Пришел отец

Я хочу сказать что-то еще об этом:

Мать его увидела’

Предлагаемая экспликация кажется совершенно прозрачной – она содержит анафорический элемент ‘это [this]’ и при этом не использует никаких сложных понятий вроде “на ту же тему”. К чему, однако, отсылает данный анафорический элемент? О чем еще хочет сказать говорящий, сказав *Пришел отец*? Если понимать толкование А. Вежбицкой буквально (на что и рассчитаны семантические экспликации), то получится, что ‘об этом’ – это ‘о приходе отца’. Но такое понимание как минимум неточно. Ведь дальше говорится не о приходе отца, а о чем-то, что всего лишь связано с его приходом. Аналогичным образом относительно предложения *Мы простились в последний раз, и лошади поскакали* неверно, что говорящий “хочет сказать что-то еще о том, что мы простились в последний раз”. Союз *и* в данном употреблении действительно содержит отсылку к предыдущему, однако это отсылка к теме, начатой предыдущим сочиняемым предложением.

Казалось бы, референциальная лакуна в экспликации А. Вежбицкой легко заполняется и описанное употребление союзов *и* и *а* толкуется так:

Х, и Y [Ваня сидел и ел творог, и творог был очень вкусным] = “Х; Y; Y на ту же тему, что Х”.

Х, а Y [Ваня сидел и ел творог, а творог был очень вкусным] = “Х; Y; Y на тему, отличную от темы Х-а”.

Рассмотрим, однако, компонент ‘тема’ этих экспликаций.

Говоря о метатекстовых *и* и *а*, мы употребляли слово “тема” в его общеязыковом смысле, ср. *тема статьи (стихотворения, текста)*. Иными словами, мы рассматривали предложение как своего рода микротекст, который – подобно нормальному тексту – посвящен какой-то теме.

Очевидно, что тема микротекста-предложения, так же как и тема любого текста, может быть сформулирована более чем одним способом. Данное понятие относится не к семантике в строгом смысле слова, а к области понимания (текста или высказывания) и, скорее всего, не формализуемо. На наш взгляд, понятие “тема текста” гораздо богаче, нежели абстрактное, почти пустое, метатекстовое употребление союза *и*, и

аналогичное, хотя и чуть более богатое, метатекстовое употребление *а*. Поэтому мы не считаем данные выражения семантическими разложениями союзов и намеренно заключаем их в обычные, не марровские, кавычки.

Тогда следует признать, что союзы *и* и *а* в данном употреблении неразложимы, нетолкуемы. На наш взгляд, внутри них выделяются какие-то чрезвычайно мелкие кварки: в союзе *и* – нечто вроде "о том же самом", в союзе *а* – нечто вроде "о другом". Но как бы то ни было, получается, что союз *и*, так же как и союз *а*, допускает два разных употребления, причем оба они являются неразложимыми. Это еще одно свидетельство "непримитивности" семантического примитива – в противном случае разные употребления одного многозначного слова придется признать никак не связанными друг с другом, между ними не удастся установить никаких семантических "мостов".

Тот факт, что данные употребления союзов *и* и *а* нельзя описать как обычные лексические единицы, не вызывает удивления. Союзы предназначены прежде всего для соединения предложений, а значит, для организации текста. Естественно ожидать, что у союза найдется какое-то семантически выхолощенное употребление, в котором он представляет собой полупустую единицу с абстрактной текстообразующей функцией. Текст, будучи в высшей степени сложным объектом, предполагает определенный тип организации (в частности, – определенную структуру повествования), который, в свою очередь, связан с определенной "стратегией понимания", не ограничивающейся семантическим анализом предложений, входящих в текст. Одна из логически возможных абстрактных функций союза – разметка повествования, маркировка того или иного типа текста. Именно такую функцию и выполняют данные употребления союзов *и* и *а*.

Нам пока неизвестны никакие другие лексемы, описание которых требует обращения к области понимания текста. Тем не менее, можно указать "ближайших соседей" метатекстовых употреблений союзов *и* и *а*. Это, во-первых, союз *а* в значении, представленном во фразах типа *Иванов в командировке, а Петров болен*. По существу, союз *а* указывает здесь на несовпадение тем, а также рем сочиненных предложений [Крейдлин, Падучева 1974а, 1974б]. Во-вторых, это некоторые лексемы местоимения *сам*; ср.: *Звезды тихо погасли в небе. Само небо посветлело и сузилось*. Слово *сам* указывает здесь на то, что темой высказывания становится объект, упомянутый в предыдущей фразе [Урысон 1995]. Однако для описания семантики данной лексемы союза *а* и данной лексемы местоимения *сам* достаточно оперировать понятиями теморематической структуры высказывания. Что касается рассмотренных употреблений союзов *и* и *а*, то для их экспликации требуются принципиально новые понятия.

3.0. Союз *и* как маркер закрытого множества (закрытого перечисления). Союз *и* может соединять не только предложения, но и члены предложения. Ср.: (25) *С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно* (А.С. Пушкин); *Я носила тогда малахитовое ожерелье и чепчик из тонких кружев* (А. Ахматова). Ряд однородных членов, перед последним из которых стоит союз *и*, теоретически может быть сколь угодно длинным. Ср.: (26) *Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, <...> Бульвары, башни, казаки, / Аптеки, магазины моды, / Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах* (А.С. Пушкин); *По-прежнему он вел хозяйство <...> косил, убирал, веял, сдавал угодья мужикам, платил налоги и ездил в город по земским делам и по личным* (Б. Зайцев). Ряд однородных членов с союзом *и* максимально близок бессоюзному ряду однородных членов. Ср.: (27) *Шум, хохот, беготня, поклоны, / Галоп, мазурка, вальс...* (А.С. Пушкин); *Кровать, столик для приготовления уроков, этажерка для книг. <...> Никакой попытки скрасить суровость обстановки – безделушками, вышивками, открытками* (А. Ахматова); *Все это*

создавало ощущение чего-то нечистого, беспорядочного (Л. Андреев). Естественно эксплицировать семантику союза *и* в данных контекстах, сравнивая их с бессоюзным перечислением.

Как известно, бессоюзная сочинительная конструкция, в отличие от конструкции с союзом *и*, допускает особую интонацию незавершенного перечисления. Ср.: (28) *Там растет ель, береза. ↑ дуб...* [не только они] VS. *Там растет ель, береза ↓ и дуб.* Однако бессоюзие допускает и интонацию незавершенного перечисления, ср.: (29) *На снимке слева направо: Иванов, Петров, Сидоров.* Следовательно, бессоюзие само по себе не выражает ни законченности, ни законченности перечисления – соответствующий смысл выражается в данном случае просодически. Что касается союза *и*, то он указывает на законченность перечисления, а потому конструкция с ним сочетается лишь с одним типом перечислительной интонации. Исходя из сказанного, предлагаем следующую экспликацию бессоюзной и союзной сочинительных конструкций:

$X, Y, \dots, Z$ = ' X – элемент некоторого множества; Y – элемент того же множества; ...; Z – элемент того же множества'.

$X, Y, \dots$ и Z = ' X – элемент некоторого множества; Y – элемент того же множества; ...; Z – элемент того же множества; это множество состоит из данных элементов'. Очевидно, на долю собственно союза *и* приходится лишь последний компонент экспликации: 'это множество состоит из данных элементов'.

Подчеркнем, что входом экспликации служит выражение $X, Y, \dots$ и Z , а не $P(X, Y, \dots$ и $Z)$, так что предикат P никак не участвует в экспликации союза *и*. Рассмотрим, например, высказывание (30) *Франция и Германия входят в Европейский клуб* (здесь P – *входят в Европейский клуб*; однородный ряд состоит из двух членов, так что X и Y – *Франция и Германия*). В смысл этого предложения входят, в частности, следующие компоненты: 'это множество состоит из Франции и Германии; это множество входит в Европейский клуб'. Из нашей экспликации не следует, что Европейский клуб состоит из Франции и Германии.

Рассмотрим статус предложенных экспликаций с точки зрения теоретической семантики.

Очевидно, эти экспликации не являются толкованиями в собственном смысле слова. Прежде всего они не удовлетворяют требованию подставимости, предъявляемому к толкованиям. Кроме того, в них участвуют единицы 'множество' и 'элемент', которые употреблены скорее как математические термины, нежели в том смысле, который данные слова имеют в общелитературном языке. Это значит, что используемый нами семантический язык не является, строго говоря, подязыком языка-объекта – он расширен за счет особых полуискусственных единиц.

Мы вновь столкнулись с ситуацией, когда союз *и* в определенном употреблении семантически разложим, однако его разложение не является толкованием – хотя бы потому, что в нем участвуют особые логические единицы. В рамках семантической теории Ю.Д. Апресяна данное употребление союза *и* должно быть признано семантическим примитивом. Бессоюзие тоже, очевидно, является выражением семантического примитива. Однако описание системных связей разных употреблений союза *и* как между собой, так и с другими русскими союзами, а также с бессоюзием требует эксплицировать их значение через единицы, не являющиеся словами естественного языка, т.е. через кварки.

Данное употребление союза *и*, так же как и бессоюзие, семантически почти пусто. Предложенная экспликация этих средств представляется скорее формальной, чем содержательной. Какая реальность стоит за этой экспликацией, а также за полуискусственным элементом 'множество'?

Как бессоюзие, так и сочинительная конструкция с союзом *и* указывают на объединение каких-то объектов в сознании говорящего, на формирование говорящим

множества объектов (элементов)⁴. Предполагая определенную логическую, мыслительную, операцию, эти средства – как и многие другие союзы – принципиально отличаются как от лексем, описывающих "объективный мир", так и от лексем, выражающих отношение говорящего к описываемому (ср. *даже, уже, кое-где* и т.п.).

Рассмотрим подробнее выражение этой логической операции в языке.

Бессоюзие в сочетании с интонацией незавершенного перечисления всегда указывает на процесс формирования множества. Ср.: (31) *Там были Иванов, Кузьмин, Михайлов, кто-то еще* – *уже не помню кто* [говорящий формирует совокупность, вспоминая людей, которые были в данном месте]. При наличии союза *и* это множество может восприниматься и как формируемое, и как уже сформированное, готовое, т.е. имеющееся в сознании говорящего целиком. Ср.: (32) *Там были Иванов, Кузьмин, Михайлов и кто-то еще* – *уже не помню кто*. Данное высказывание допускает два просодических оформления – одно из них указывает на то, что говорящий формирует совокупность, вспоминая людей, о которых идет речь, а другая просодия указывает на то, что данная совокупность уже имела в сознании говорящего.

Указывая на процесс формирования множества, бессоюзие может представлять как выражение некоего как бы неструктурированного потока сознания, потока образов, когда говорящему еще не вполне ясен тот смысл, который он хочет выразить. Союз *и*, указывая на уже сформированное множество, предполагает и наличие вполне определенного смысла, который хочет выразить говорящий. Поэтому вполне нормально бессоюзное перечисление типа (33) *Утро, музыка, капли дождя на стекле; Ночь, улица, фонарь, аптека* (А. Блок) [поток образов, множество в процессе формирования], но несколько странно (33а) *Утро, музыка и капли дождя на стекле; Ночь, улица, фонарь и аптека* [множество уже сформировано, но неясно, для выражения какого смысла в него объединены столь разные вещи]. Однако если то же нестандартное множество выступает в ясном контексте, то высказывание вполне нормально, ср.: *Вспомнил (то) утро, музыку и капли дождя на стекле (ночь, улицу, фонарь и аптеку)*.

Служа для выражения потока образов (потока сознания), бессоюзие не требует, чтобы элементы данного множества находились друг с другом в определенных логических отношениях. В частности, допускается, чтобы эти элементы представляли собой пересекающиеся понятия. Ср. нормальное (34) *Дети кричали, шумели* и сомнительное (34а) *Дети кричали и шумели*.

Бессоюзие допускает также, чтобы элементы множества были разнотипны, т.е. не имели логического основания для объединения. Ср. нормальное (35) *Они волновались, передавали друг другу какие-то бумаги* и несколько странное (35а) *Они волновались и передавали друг другу какие-то бумаги* (это высказывание нормально, если понимать его не как перечисление, а как указание на причинно-следственную зависимость, ср. *волновались и поэтому передавали*, но тогда мы имеем здесь дело с другим употреблением союза *и*). Кроме того, поток образов может включать в себя и одинаковые элементы. Ср.: (36) *По Смоленской дороге / Леса, леса, леса* (Б. Окуджава); *Это неживописное место: распаханные ровными квадратами по холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, "воротца", хлеба, хлеба...* (А. Ахматова). Такое повторение создает определенный стилистический эффект: как будто куда ни посмотрит говорящий, всюду он видит данный объект (лес или хлеба). Можно сказать, что говорящий формирует множество, включая в него то, на что поочередно падает его взгляд, то, что в каждый момент попадает в поле его зрения.

Заметим, что бессоюзие, подобно союзу *и*, может употребляться и как маркер развития повествования. Оно и в этом случае не накладывает столь жестких требований к соединяемым предложениям. Ср. нормальное высказывание (37) *От меня*

⁴ См. об этом подробно в работе [Лауфер 1987б: 187–188].

ушла жена, я выиграл в лотерее 10 000 долларов, погода опять испортилась [поток сознания] и прагматически странное высказывание (37а) *От меня ушла жена, я выиграл в лотерее 10 000 долларов, и погода опять испортилась* [неясно, какую единую тему развивают данные сочиненные предложения]. Ср. также нормальное бессоюзное предложение (38) *Гости пьют чай, дамы занимаются вышиванием* (А. Ахматова) и неудачное (38а) *Гости пьют чай, и дамы занимаются вышиванием*. В данном случае ситуации, обозначаемые сочиненными предложениями, содержат пересекающиеся множества 'гости' и 'дамы'. Можно думать, что союз *и* даже как маркер развития повествования не допускает, чтобы сочиняемые предложения включали такие множества.

Бессоюзие может быть отмечено стилистически. Это имеет место, если бессоюзие не выражает смысл 'это множество состоит из данных элементов' (и не оформляется интонацией законченного перечисления). Отсутствие данного смысла придает бессоюзным сочинительным конструкциям оттенок некоей недосказанности, особой смысловой глубины. Ср.: (39) *Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега* (А. Ахматова) [возможно, кроме этого есть что-то еще, названное и, вероятно, самое главное, – само ощущение зимы]; *В ней [роще] с утра до вечера кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье* (К. Паустовский). Бессоюзие выступает здесь как нарративное или поэтическое средство.

Бессоюзие, даже в сочетании с просодией законченного перечисления, подает каждый элемент множества как совершенно отдельный – все члены бессоюзной сочинительной конструкции выделяются одинаковым по силе ударением. Ср.: (40) *В этом трактате упоминается уже три металла: железо, медь, олово* (пример из [Лауфер 1987б]). При перечислении, оформляемом с помощью союза *и*, последний член сочинительной конструкции, вводимый этим союзом, интонационно примыкает к предыдущему, и поэтому соответствующий элемент множества как бы утрачивает самостоятельность, может представать менее значимым. Ср.: (41) *В горах Принс-Чарльз есть хребты Атоса, Портоса и Арамиса. Бедный Арамис! Всегда он "и"...* (В. Конечский; пример заимствован из [Санников 1989]).

Союз *и*, в отличие от бессоюзия, может оформлять множества, вообще не создаваемые говорящим, а зафиксированные в языковой картине мира. Такие множества выражаются устойчивыми сочинительными сочетаниями; ср. *отцы и дети, дамы и господа, преступление и наказание, начало и конец, добро и зло, белое и черное* и мн. др. Порядок компонентов такого сочинительного сочетания значим. В частности, если в значении компонентов сочинительной конструкции входит указание на время, то лексема со значением 'раньше' предшествует лексеме со значением 'позже', ср. *до и после; прошлое и будущее; вчера, сегодня и завтра; начало и конец; восходы и закаты; жизнь и смерть; причина и следствие; вопрос и ответ* и т.п. В других случаях линейный порядок членов устойчивого сочинительного сочетания отражает иерархию объектов в языковой картине мира; ср. *добро и зло, мужчина и женщина, отцы и дети, врач и пациент, президент и госсекретарь* и т.п. Подробнее об этом см. [Якобсон 1983; Бергельсон, Кибрик 1981 и, особенно, Лауфер 1987а].

В некоторых контекстах союз *и* перечисления" обязателен, и это сближает его с сильноуправляемыми предлогами *"И* перечисления" требуется некоторыми предикатами, предполагающими множество элементов (т.е. множественный субъект или объект). Ср.: (42) *Летом Ваня и Маша поженились; Летом Ваню и Машу поженили; Иван и Петр женаты на двоюродных сестрах; Катя оказалась между Женей и Сашей; Иван и Петр объединились в борьбе с общим врагом; Коля и Петя разбежались в разные стороны* и т.п. Замена *и* на бессоюзие приводит в таких случаях к аграмматичному результату. Ср.: (42а) **Летом Ваня, Маша поженились; *Летом Ваню, Машу поженили; *Катя оказалась между Женей, Сашей; *Иван, Петр объе-*

динились в борьбе с общим врагом; *Коля, Петя разбежались в разные стороны. Однако если соответствующее множество состоит более чем из двух элементов, то данный запрет смягчается или даже снимается. Допустимо, хотя и не очень удачно (42б) *Иван, Петр, Сергей объединились в борьбе с общим врагом; Коля, Ваня, Петя разбежались в разные стороны*. Кроме того, употребление лексемы "и перечисления" почти обязательно, если данное множество не создано говорящим, а закреплено в языковой картине мира. Ср.: *земля и небо; белое и черное; муж и жена* и т.п.

Союз "и перечисления", в отличие от других употреблений этого союза, синонимизируется с сочинительными союзами *да* и *а также*. Ср.: *В деревне оставались старики и (да) бабы; На общем собрании будет решен вопрос о порядке приема в кооператив новых членов, а также (и) о сроках проведения аудиторской проверки*. Кроме того, данное употребление союза *и* в ряде контекстов сближается с комитативным предлогом *с*, ср. *Пришли Ваня и Петя – Пришли Ваня с Петей*.

Объединяя объекты в множество, говорящий, очевидно, усматривает в них нечто общее. "И перечисления", предполагая наличие определенного смысла, который хочет выразить говорящий, предполагает и вполне четкое осознание этой общности, этого сходства между объектами. Эта общность тривиальным образом проявляется в том, что всем данным элементам предиктируется один и тот же признак (ср. *Ваня, Петя и Даша пошли гулять*) или, наоборот, элементы множества сами являются признаками, которые предиктируются одному и тому же объекту (ср. *веселый и умный мальчик*). Эту-абсолютно очевидную черту "и перечисления" можно относить не к значению данной лексемы как таковому, а к прагматике, к особенностям объединения объектов в совокупности. Можно, однако, считать, что указание на некую общность объектов входит (как составная часть) в семантический элемент 'множество'. На основе этой особенности союза "и перечисления" формируется еще одно употребление союза *и*, ближайшее данному.

3.1. Союз *и* как средство подчеркивания сходства ситуаций. Особое употребление союза *и*, отличное от рассмотренных выше, усматривается нами в случаях типа (43) *Коля рыжий, и Петя рыжеватый; Работают ребята одинаково хорошо. Коля выполнил норму на 103%, и Петя выполнил норму на 103,2%*⁵. В этих фразах говорящий специально указывает на сходство двух ситуаций. Средством, с помощью которого акцентируется это сходство, является союз *и*. Действительно, в соответствующих бессоюзных фразах говорящий фокусирует внимание, скорее, на различии ситуаций. Ср.: (43а) *Коля рыжий, Петя рыжеватый; Коля выполнил норму на 103%, Петя выполнил норму на 103,2%*. При этом данное употребление союза *и* требует особой просодии: темы сочиненных предложений выделяются резким движением тона, между предложениями имеется отчетливая пауза. Назовем это употребление союза "и сходства ситуаций".

В примере (43) сходство ситуаций проявляется в сходстве рем двух высказываний. При этом ремы могут иметь сходное лексическое выражение (как в примерах выше) или просто совпадать. Ср.: (44) *Коля рыжий, и Петя рыжий; Спальный мешок весит 700 г, и палатка весит 700 г*.

Однако сходство или тождество рем – лишь один частный случай сходства ситуаций. Другой частный случай этого явления – тождество тем сочиненных высказываний. Ср.: (45) *Маша решает дифференциальные уравнения, и Маша думает, чем накормить детей [все на Маше]; Петя зарабатывает на хлеб насущный, и Петя решает, куда устроить сына после школы*. Такие сочиненные высказывания – с тождественными темами – требуют своей просодии, отличающейся от просодии фраз типа (43), (44).

⁵ Эти примеры, с несколько иной интерпретацией, рассматриваются в [Санников 1989: 172–173].

Наконец, сходство ситуаций может быть чисто прагматическим – так оценивает их говорящий. Ср.: (46) *↑Коля ушел домой, и ↑Петя остался в школе (в футбол поиграть не с кем); ↑Петр стал директором банка, и ↑Анна кончает университет (у моих детей все в порядке).*

Очевидно, что "и сходства ситуаций", подобно другим употреблениям союза *и*, нетолкуемо в рамках обычной семантической теории. Действительно, выражение 'сходство ситуаций', как и просто элемент 'сходство', безусловно сложнее, нежели почти ничего не выражающий союз *и*. С теоретической точки зрения, данное употребление союза *и* представляет собой объект, хотя и разложимый, но не на лексемы, а на какие-то более мелкие единицы, кварки.

Данному употреблению союза *и* четко противопоставлен союз "а сопоставления". Ср.: (43б) *Коля рыжий, а Петя рыжеватый; Коля выполнил норму на 103%, а Петя выполнил норму на 103,2%.* Союз "а сопоставления" высвечивает не сходство, а, напротив, различие ситуаций. В отличие от данного употребления союза *и*, "а сопоставления" накладывает жесткие ограничения на соединяемые им предложения: они должны иметь несовпадающие темы и ремы (см. [Крейдлин, Падучева 1974а; 1974б]).

4. Порядок сочиненных компонентов. Хорошо известно, что порядок сочиненных компонентов не является абсолютно свободным – в некоторых случаях он значим. Так, в сочетаниях *отцы и дети, президент и госсекретарь* и т.п. порядок слов отражает некую иерархию объектов в языковой картине мира (см. выше). Если сочиненные компоненты обозначают последовательные события, то порядок слов отражает временную последовательность, описываемых ситуаций. Ср.: (47) *Он встал и потянулся VS. Он потянулся и встал.* Наконец, обозначение причины предшествует обозначению следствия, поскольку причина и в реальности предшествует следствию. Ср.: (48) *Петербургский сезон начинал замирать, и все понемногу разъезжались [замирение сезона – причина разъезда] VS. Все понемногу разъезжались, и петербургский сезон начинал замирать [разъезд – причина замиранья сезона].* Во всех этих случаях линейный порядок элементов имеет "явно иконический характер" [Якобсон 1983: 108]. Однако союз *и* подкрепляет этот порядок слов. При отсутствии союза иконичность словопорядка может быть преодолена интонацией. Ср.: (49) *Автобус не пришел вовремя, и Петя опоздал [нейтральная интонация] VS. Петя опоздал – ↑автобус не пришел [специфическая поясняющая интонация]⁶.*

Иногда порядок сочиняемых компонентов не столь очевидно иконичен. Ср.: (50) *Он был единственный сын, и его воспитывала мать.* Перестановка сочиняемых предложений в данном случае нежелательна, ср.: (50а) *↑Его воспитывала мать, и он был единственный сын.* По-видимому, более общее и постоянное обычно бывает причиной более частного, того, что способно меняться. В данном случае 'быть единственным сыном' – это постоянное свойство субъекта, а ситуация 'его воспитывала мать' постоянной не является. Причинно-следственной зависимости между свойством и непостоянной ситуацией в данном случае нет, однако порядок сочиняемых компонентов отражает естественное представление о том, что постоянные свойства бывают причиной непостоянных ситуаций.

Аналогичным образом объясняется порядок компонентов во фразе (51) *Мы сидели на берегу реки, и я учил его ловить рыбу.* Перестановка предложений в данном случае дает не вполне стандартный результат, ср. (51а) *Я учил его ловить рыбу, и мы сидели на берегу реки.* Дело в том, что ситуация 'сидеть на берегу реки' – это состояние, а 'учить чему-л.' – это процесс, ограниченный внутренним пределом. По-видимому, состояние представляется более стабильным, нежели ограниченный собственным пределом процесс. В силу этого обозначение состояния предшествует обозначению процесса.

⁶ Благодарим за этот пример Т.Е. Янко.

Заметим, что эти ограничения на порядок компонентов обусловлены именно союзом *и*. Фраза или текст без *и* свободно допускает и иной порядок предложений. Ср.: *Его воспитывала мать. Он был единственный сын; Я учил его ловить рыбу. Мы сидели на берегу реки*⁷.

5. Повторяющийся союз *и...и*. Союз *и* может повторяться перед каждым членом сочинительной конструкции, включая первый. Ср.: (52) *И он уходил, и она ждала его, и он приходил опять, и все начиналось сначала*; (53) *Пришли и Ваня, и Петя; И тот и другой опоздали; Мы пили и ели; И синего моря обманчивый вал / В часы роковой непогоды, / И пращ, и стрела, и лукавый кинжал / Щадят победителя годы* (А.С. Пушкин). Очевидно, что употребление союза в случае (52) – не то же, что в случае (53).

В случаях типа (52) естественно усматривать "*и* развития повествования", точнее – некоторую модификацию данного употребления. Она создает специфический нарративный стиль, придает тексту особую спаянность.

В случаях типа (53) повторяющийся союз близок союзу "*и* перечисления", но все же отличается от него как синтаксически (повторяемость), так и семантически. Он указывает на то, что, с точки зрения говорящего, множество включает все мыслимые элементы, т.е. все объекты, предполагаемые данной ситуацией. Ср. примеры выше, а также (54) *И два, и три раза предлагал он ей помощь* [с точки зрения говорящего, большее количество предложений уже невозможно]. Благодаря данному смысловому компоненту перечисление с повторяющимся союзом *и* часто сочетается с обобщающим словом *все, всё*. Ср.: (55) *Все пришли – и Петя, и Наташа, и Макар; Увы! Теперь и дни, и ночи, / И жаркий, одинокий сон / Всё полно им* (А.С. Пушкин). Данное употребление *и...и* можно назвать "*и* исчерпанного множества".

6. Лексикографический статус разных употреблений союза *и*. Выявленные нами различия между разными употреблениями союза *и* могут показаться слишком тонкими. Тем не менее, естественно считать каждое из описанных употреблений союза *и* отдельной лексемой, а модификацию какого-либо употребления – модификацией соответствующей леммы. Такое решение было бы неправомерно, если бы описанные различия легко выводились друг из друга, если бы все употребления *и* представляли собой легкие вариации одной и той же сущности. Мы, однако, убедились, что это не так. Трудность семантического анализа *и* обусловлена не близостью его значений, а семантической бедностью этого слова, его чисто служебными функциями, некоей растворенностью в контексте.

При описании семантики союза *и* возникает еще одна специфическая проблема. В очень многих случаях мы не можем отнести конкретное употребление союза *и* ни к одной из выделенных лексем этого союза. Дело в том, что семантика конкретного употребления слова *и* иногда складывается из компонентов, входящих в значение его разных лексем. Тем самым, конкретные употребления этого союза занимают промежуточное положение между лексемами, выделяемыми для словарного описания⁸. Приведем некоторые примеры.

(56) *Он устал, и ему хотелось остаться одному*. С одной стороны, это высказывание можно рассматривать как полный аналог фразы *Он устал и проголодался*, где *и* выступает в значении "*и* перечисления". С другой стороны, *и* может рассматриваться здесь как маркер развития повествования. И наконец, в этом высказывании можно

⁷ Обратим внимание на сходные правила расположения компонентов в так называемых парных глаголах, ср. *сизю решаю задачи (читаю, жду звонка)*.

⁸ О проблеме описания промежуточных употреблений слова см. [Апресян 1974: 179–181; Шмелев 1973]. Попытка конкретного описания промежуточных употреблений одного служебного слова содержится в [Урысон 1995].

усмотреть намек на причинно-следственную связь (ср. 'устал, поэтому хотел остаться один'). На наш взгляд, наиболее естественно считать, что данное конкретное употребление союза *и* включает в свою семантику компоненты значения всех трех лексем союза *и*, причем причинно-следственный компонент здесь ослаблен даже по сравнению с "и причинно-следственное".

(57) *Он замолчал и подошел к окну.* Можно усматривать здесь одновременно "и перечисления" (ср. *Он молчал и думал*) "и нормального развития повествования".

(58) *Из окна вагона вы увидите поляну в березовом лесу, увидите, как осенняя паутина блестит на солнце, и вам захочется выскочить на ходу из поезда и остаться на этой поляне* (К. Паустовский). Данное употребление союза *и* совмещает в себе лексемы "и нормального развития повествования" и "и причинно-следственное".

(59) *Старый мундир пропах гарью пожарищ, и глаза слезились от блеска снегов.* Союз *и* выступает здесь как маркер развития повествования. Он, однако, придает высказыванию и некоторые черты, свойственные "и перечисления". Действительно, смысл данной фразы имеет оттенок завершенности. Это хорошо ощущается при сравнении ее с бессоюзным предложением, ср. *Старый мундир пропах гарью пожарищ, глаза слезились от блеска снегов* (К. Паустовский). В бессоюзном предложении имеется некая недосказанность, благодаря чему за описанными двумя ситуациями встает представление о другой – неназванной, но, возможно, самой главной ситуации. Поэтому есть основания считать, что в данном конкретном употреблении союза *и* имеются черты лексемы "и перечисления", причем в качестве элементов множества выступают целые ситуации.

7.0. О частице *и*. Наше описание союза *и* можно верифицировать. Предложенное деление этого слова на лексемы подтверждается анализом так называемой усилительной частицы *и*. Усилительная частица *и* и союз *и* принадлежат к разным частям речи и обладают совершенно разными коммуникативными функциями (частица *и* является рематизатором, см. примеры ниже). Покажем, однако, что с семантической точки зрения союз *и* и частица *и* являются одним и тем же словом. Более того, лексемы-частицы не образуют единого блока значений, противопоставленного лексемам-союзам. Разные значения частицы объединяются в блоки с какими-то значениями союза – семантическая общность этих единиц оказывается сильнее, нежели их частеречная разьединенность и различие в коммуникативных функциях. Продемонстрируем это, ограничившись, из-за недостатка места, эскизным описанием частицы *и*.

7.1. Частица "и включения в множество". Эта лексема представлена в контекстах типа (60) *Пришла Маша. Пришел и Петя; Наконец, все угомонились. Заснул и Ваня.* Частица *и* в контексте *P и X* предполагает, что существуют другие объекты (или объект) *Y* такие, что '*Y P* или *P'*'; здесь *P'* – предикат, имеющий большую общую часть смысла с *P*. Частица *и* указывает на то, что говорящий, на основании тождества или сходства *P* и *P'*, объединяет *X* с *Y*-ом, представляет их как элементы одного множества. При этом объект *X* выделен по сравнению с другими объектами (объектом) – он является центральным для данного повествования (или его отрезка) и уже упоминался или хотя бы подразумевался говорящим. Тем самым, частица *и* выступает здесь и как показатель определенности. Близость данной лексемы слова *и* лексеме "и перечисления" очевидна.

Особый круг употреблений данной лексемы *и* (или особая ее модификация) представлен в отрицательных контекстах типа (61) *Я и не подозревал о существовании этого магазина; Я и не думал о продаже имущества.* Частица *и* в отрицательном контексте *X и не P* предполагает множество ситуаций *Q*, аналогичных данной ситуации *P*, причем для *Q* тоже верно: '*X не Q*'. Например, субъект мог бы догадываться или знать о существовании данного магазина, или интересоваться им, или заходить в него и т.п., однако ничто из этого не имело места. При этом несуществование ситуаций

множества *Q* вытекает из отрицания данной ситуации *P*. Действительно, если субъект не подозревал о существовании магазина, то он не мог ни интересоваться им, ни заходить в него и т.п.

Сходство данного употребления частицы *и* и случаев типа (60) очевидно. В случаях типа (60) подразумевается множество объектов *Y*, для которых, так же как и для данного объекта, имеет место ситуация *P*. В отрицательных контекстах типа (61) имеется в виду множество ситуаций *Q*, которые, так же, как и данная ситуация, не имеют места.

Следующий отрицательный контекст аналогичен одновременно и случаям типа (60), и случаям типа (61). Ср.: (62) *У меня и в мыслях этого не было; Я и во сне этого не видел.*

Частица *и* в неотрицательных контекстах типа (60) синонимизируется с лексемами *тоже* и *также*, а в отрицательных контекстах типа (61) и (62) – с лексемой *даже*.

Очевидно, частица "и включения в множество" семантически очень близка лексеме "и перечисления".

7.2. Частица "и нормального развития событий". Эту лексему мы усматриваем в случаях типа (63) *Он начал ухаживать за Машей. На ней потом и женился; Последний класс [гимназии] проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году* (А. Ахматова). В подобных контекстах частица *и* выражает смысл, близкий причинно-следственному, однако более слабый. Она указывает всего лишь на нормальное развитие событий. Действительно, ситуация 'он начал ухаживать за Машей' не является причиной ситуации 'он потом женился на Маше'. Аналогичным образом ситуация 'я училась в последнем классе гимназии' не является причиной ситуации 'я окончила гимназию'. Правда, в норме после первой из этих ситуаций имеет место вторая. Именно этот смысл выражается здесь частицей *и*. Если же наши представления о нормальном сочетании ситуаций нарушены, то в таком контексте частица *и* оказывается нежелательной. Ср. сомнительные примеры: *Он начал ухаживать за Машей. Ее потом и бросил; Он поступил в университет. Его и не кончил.*

В некоторых случаях частица *и* как будто указывает на частный случай нормального развития событий – на причинно-следственное отношение между двумя ситуациями. Ср.: (64) *Его позвали, он и пришел; Нам теперь незачем на работу ходить. Мы и не ходим.* Действительно, ситуацию 'его позвали' естественно считать причиной ситуации 'он пришел', а ситуацию 'мы не ходим на работу' – следствием ситуации 'нам теперь незачем на работу ходить'. На наш взгляд, однако, частица *и* и в данном случае указывает всего лишь на нормальное развитие событий. Мы понимаем, что ситуации в (64) связаны причинно-следственным отношением постольку, поскольку знаем, как устроен наш мир.

Очевидно, данная лексема частицы *и* образует единый блок с причинно-следственной лексемой союза *и*.

7.3. Частица "и единства времени и места". Перейдем к наиболее трудноуловимым и загадочным употреблением частицы *и*. Экспликация этих употреблений облегчается богатым фактическим материалом, представленным в монографии [Шведова 1960]⁹. Рассмотрим некоторые примеры, приводимые Н.Ю. Шведовой.

(65) *Читала и как-то про вас вспомнила, а вы и пришли* (Н. Лесков);

(66) *Она выйдет со своей крепостною, а ты и сидишь на рубежечке, поджидаешь* (Н. Лесков).

Частица *и* в данном употреблении, очевидно, предполагает предтекст – она невозможна во фразе, начинающей повествование. Это наводит на мысль, что частица *и* здесь анафорична. Частицы "и включения в множество" и "и нормального развития событий" тоже обе анафоричны – они содержат отсылку к уже упомянутой ситуации или

⁹ См. также [Знаменская 1964].

объекту. Однако анафора, выражаемая этими двумя лексемами, обслуживает достаточно ясный смысл – в первом случае выделенный объект объединяется в одно множество с предупомянутым объектом (объектами), а во втором случае данная ситуация соотносится с предупомянутой как естественно ее развитие. А чему служит анафора в случаях типа (65)–(66)?

Обратим внимание на то, что и в (65), и в (66) налицо "единство времени и места ситуаций". Можно предположить, что оно выражается именно частицей *и*. Действительно, видоизменим пример (65), в частности, удалим из него частицу *и*, ср. (65а) *Читала и как-то про вас вспомнила. Вы пришли*. Этот пример допускает разные продолжения. Например, возможно такое: (65б) *Читала и как-то про вас вспомнила. Вы пришли к нам в первый раз чем-то расстроенный*. В (65б) нет "единства времени" – и вставка *и* дает сомнительный результат. Ср.: (65в) *Читала и как-то про вас вспомнила. Вы и пришли к нам в первый раз чем-то расстроенный*. Аналогичным образом частица *и* вряд ли может быть помещена в следующий контекст, ср. (66а) *Она гуляет, а ты где-нибудь рыбу ловишь* – (66б) *Она гуляет, а ты и ловишь где-нибудь рыбу*. Действительно, в (66а, б) нет "единства места". Достаточно, однако, видоизменить (66б) так, чтобы он содержал указание на такое единство, и частица *и* становится уместной. Ср.: (66а) *Она гуляет, а ты и ловишь рыбу неподалеку*. Такое указание может "наводиться" именно частицей *и*, ср. (66г) *Она гуляет, а ты и сидишь у колодца* – из (66г) ясно, что героиня гуляет поблизости от колодца. Ср. еще некоторые примеры (67) *Сидит семья, обедает. Вдруг отец и говорит...; Вот тут-то Алексей и совершил промах* (Полевой, МАС); *Послушала она, поняла – караулят кого-то, а ее и караулили* (И. Бажов; пример из [Шведова 1960]). Отметим, что, обсуждая эти примеры, Н.Ю. Шведова говорит о "временном совпадении" ситуаций и раскрывает семантику частицы *и* через 'как раз'.

Допускается, чтобы "единство времени и места" понималось не вполне буквально. Достаточно, например, чтобы одна ситуация следовала за другой через относительно небольшой промежуток времени. Ср. нормальные фразы (68) *Так садись, пиши просьбу, завтра и подашь* (И.А. Гончаров, пример из [Шведова 1960]); *В воскресенье обедали вместе. А через три дня отец и сказал, что продает дом*. Однако следующий пример, в котором описываются ситуации, разделенные достаточно большим промежутком времени, уже сомнителен, ср. (68а) *В то воскресенье мы обедали вместе. А через полгода отец и сказал, что продает дом*. Заметим, что этот же текст, но без частицы *и*, вполне нормален. Ср.: (68б) *В то воскресенье мы обедали вместе. А через полгода отец сказал, что продает дом*.

Указывая на "единство времени и места ситуаций", частица *и* придает тексту особую спаянность. Она в определенной степени сближается с лексемой-союзом "и нормального развития повествования", образуя с ней единый блок.

7.4. Частица "и собственно дейксиса". Все рассмотренные лексемы частицы *и* анафоричны. Есть, однако, еще одно употребление *и*, наиболее близкое лексеме "и единства времени и места", но не являющееся анафорическим словом. Ср.: (69) *Не знаю, что и сказать вам; Ты меня извини, я про тебя и забыла* (А. Островский; пример из [Шведова 1960]). Для того чтобы понять специфику этого употребления *и*, сравним следующие примеры: (69а) *Не знаем, где и поселить этих гостей* VS. (69б) *Не знаем, где поселить этих гостей*. В (69а) речь идет о гостях, которые уже приехали или вот-вот должны приехать – во всяком случае говорящий представляет себе ситуацию именно так, а (69б) говорящий может иметь в виду гостей, которые приедут в отдаленном будущем. Ср. также *Не знаю, что и писать ему* [скорее всего, говорящий уже сел писать или собирается писать] VS. *Не знаю, что писать ему* [возможно, говорящий и не собирается писать].

Можно предположить, что в этих примерах частица *и* указывает на то, что время ситуации совпадает со временем речевого акта. Именно по этой причине частица *и* может придавать высказыванию своего рода мягкость, некатегоричность. Ср.: *Не знаю, что сказать ему* [вообще] VS. *Не знаю, что и сказать ему* [в данный момент]. Ср. также нормальность *Я и забыла про вас* [забыла про ваш приход, причем забыла именно сейчас] и нежелательность *"Я вас и забыла*. Действительно, когда говорят *Я вас забыла*, то имеется в виду отсутствие в сознании образа человека не в какой-то момент, а вообще, так что *и* в этом контексте неуместно.

8. Сложные случаи. Известно, что "русское *и* обладает способностью активно вступать в соединение с другими частицами, образуя комплексы, которые одни авторы считают соединением частиц, а другие – единой сложной частицей. {...} Ср. *так и, вот и, даже и, и то, и тот* и т.д." [Николаева 1985: 37]. Как заметила Т.М. Николаева, изменение линейного порядка частиц в таком комплексе иногда "не приводит к существенному изменению смысла. Ср. *Приехал из города, весь растратился. И еще вазу купил* (*Еще и вазу купил*); *Только и разговору, что о нарядах – И только разговору, что о нарядах*" и т.п. [Николаева 1985: 37]. Описание таких комплексов частиц предполагает экспликацию смысла каждого его компонента, и поэтому выходит далеко за рамки этой работы. Сложность задачи усугубляется еще и тем, что частица внутри комплекса может быть употреблена в каком-то из своих промежуточных значений.

Отметим в связи с этим, что возможны случаи такого промежуточного употребления, когда как бы смешиваются лексема-союз и лексема-частица. Ср.: (70) *А Балберка такой выдумщик, что диву даешься: он и птицу делает, которая летает, у него и плясуны есть, которые сами пляшут* (Ф. Гладков; пример из [Знаменская 1964]). По семантике данное употребление *и* ... *и* наиболее близко повторяющемуся союзу "*и* ... *и* исчерпанного множества", однако с синтаксической точки зрения перед нами частица. Ср. аналогичный пример *Вот от любви родители и строги к вам бывают, от любви и бранят вас* (А. Островский, пример из [Шведова 1960]).

9. Структура многозначности союза-частицы *и*. Мы описали разные употребления слова *и*, семантически достаточно сильно отличающиеся друг от друга. Каждое из этих употреблений мы сочли отдельным значением (отдельной лексемой) слова *и*. При этом выяснилось, что некоторые значения союза *и* объединяются в блоки с некоторыми значениями частицы *и*. Существует ли, однако, какая-либо связь между этими блоками?

Прежде всего заметим, что союз "*и* нормального развития повествования" анафоричен – поскольку соотносит тему одного высказывания с темой другого. Анафоричны и почти все лексемы частицы *и*. Единственная не анафорическая лексема частицы *и* дейктична. Эта лексема частицы *и*, которую мы назвали "*и* собственно дейксиса", очевидно, семантически наиболее простая лексема многозначного слова *и*.

С "*и* собственно дейксиса" тесно связана частица "*и* единства времени и места" – постольку, поскольку собственно дейксис, т.е. соотношение ситуации с временем речевого акта, связан с анафорой (соотнесением данной ситуации с другой ситуацией, упомянутой в тексте).

Можно думать, что с частицей "*и* единства времени и места" сближается частица "*и* нормального развития событий": в прототипическом случае нормальное развитие событий предполагает не слишком большую удаленность во времени одного события от другого – во всяком случае другие события, происшедшие в этот промежуток времени, игнорируются.

Частица "*и* нормального развития событий" имеет очевидную общность с союзом "*и* причинно-следственное". Существенно, что эта близость устанавливается не на уровне толкований. Мы знаем, что следствие (какой-то причины) является частным случаем

нормального развития событий, но это знание не языка, а каких-то общих сведений о мире. Тем самым, "мост" между двумя лексемами в данном случае не чисто семантический – он выводится из картины мира, из знаний действительности.

Частица "и нормального развития событий" сближается и с союзом "и нормального развития повествования". Это сближение уже не столь очевидно. Однако перед нами обычная полисемия типа "описание действительности" – "описание текста", отмеченная в [Вежицка 1978]. Ср. примеры из этой работы *Потом попробовал Ян* [речь идет о времени; *потом* – временное наречие] – *Потом, Ян слишком молод* [говорящий специально указывает на порядок своих аргументов; *потом* – метатекстовая лексема]; *Прежде всех пришел Ян* – *Прежде всего, Ян трус*; *Наконец пришел Ян* – *Наконец, четвертый вопрос*. В нашем случае полисемия имеет вид "развитие событий" – "развитие повествования".

Можно предположить, что многозначность типа "развитие событий" – "развитие повествования" свойственна многим русским союзам. Правда, в описываемом случае мы не можем установить общность двух лексем – метатекстовой и описывающей действительность – на уровне толкований. Семантический "мост" между данными лексемами – это какие-то очень мелкие кварки (например, что-то вроде "нормальность"), которые мы можем как-то описывать, но не можем обозначить никаким словом естественного языка.

Союз "и нормального развития повествования" имеет некоторую семантическую общность с лексемой "и перечисления". Действительно, "и перечисления" предполагает определенное сходство объектов, объединяемых в множество, а "и нормального развития повествования" – сходство сочиненных предложений: они на одну и ту же тему.

Близость этих двух лексем обеспечивается и формальным фактором, а именно – внешним сходством или даже тождеством номинативных высказываний типа *Мороз и солнце* и сочинительных конструкций внутри фразы, ср. *Люблю мороз и солнце*. В номинативном высказывании, так же как и в глагольном высказывании типа *Стоял мороз, и светило солнце*, можно усматривать лексему "и нормального развития повествования". В контекстах типа *Люблю мороз и солнце*; *Идут Петр и Иван* союз и является показателем закрытого множества. Однако благодаря полному тождеству контекстов союза и, данные его употребления безусловно ощущаются как одно слово. Отметим, что в результате этого внешнего сходства сочиненные номинативные высказывания тоже могут осмысляться как обозначения закрытого множества.

Можно вообще предположить, что в случае служебных слов с их почти пустой семантикой "мост" между лексемами может быть не семантическим, а иметь совершенно иную природу. Ср., например, пространственные предлоги и их десемантизированные лексемы в случаях типа *войти в дом* – *верить в успех*, *положить на стол* – *уповать на случай* и т.п.

Общность остальных лексем союза и частицы *и* охарактеризована выше.

Попытаемся представить структуру полисемии слова *и* так, чтобы была ясна логика развития его значений. В предлагаемой ниже схеме знак → указывает направление развития значения. В фигурные скобки заключаются лексемы, рассматриваемые как единый блок.

I. {частица "и собственно дейксиса" [*Я и забыла про вас*]} → {частица "и единства времени и места" [*Сидит семья обедает. Вдруг отец и говорит...*]}.

II. {частица "и единства времени и места" [*Сидит семья обедает. Вдруг отец и говорит...*]} → {частица "и нормального развития событий" [*Он ухаживал за Машей. На ней потом и женился; Его позвали, он и пришел*]}.

III. {частица "и нормального развития событий" [*Его позвали, он и пришел*]} → союз "и причинно-следственное" [*Коля ушел домой, и Петя остался в школе*]} → {союз "и

нормального развития повествования" [*Ваня сидел и ел творог, и творог был очень вкусным*], союз "и навязчивого вопроса" [*И зачем он это сделал?*], союз "и восклицания" [*И несл же он!*]].

IV. Союз "и нормального развития повествования" → {союз "и перечисления" [*Сияло солнце, и дул ветер; Пришли Ваня и Петя*], союз "и исчерпанного множества" [*Пришли и Ваня, и Петя, и Макар*], частица "и включения в множество" [*Пришел и Петя*]}.

V. Союз "и перечисления" → союз "и сходства ситуаций" [*Ваня рыжий, и Петя рыжий*].

Степень I описывает развитие текстовой анафорической лексемы "и единства времени и места" из "и собственно дейксиса". Отметим, что у дейктических слов вообще легко развиваются анафорические (метатекстовые) лексемы. Ср.: *Делай так* [с указанием на конкретный объект; *так* – дейктическая лексема] – *Так было со всеми нами* [как я рассказал; отсылка говорящего к предыдущей части его собственного текста; *так* – метатекстовое слово]; *Такие люди не могут ходить самостоятельно* [с указательным жестом, направленным на конкретных людей] – *Такие люди всегда выходят сухими из воды* [отсылка говорящего к его собственному предыдущему описанию].

Степень II представляет интуитивную общность между анафорической частицей "и единства времени и места" и частицей "и нормального развития повествования".

Степень III описывает развитие метатекстовых союзов, в частности, союза "и нормального развития повествования". Источником метатекстовых союзов считается блок, состоящий из союза "и причинно-следственное" и частицы "и нормального развития событий". Внутри этого блока может быть установлена логическая последовательность развития одной лексемы из другой: причинно-следственный союз *и* развивается из частицы *и*. Тем не менее, данный блок считается единым источником для блока метатекстовых лексем. Метатекстовые лексемы равноправны – ни одна из них не выводится из другой.

Степень IV описывает развитие лексем, указывающих на множество элементов – союза "и перечисления", близкого ему союза "и исчерпанного множества" и частицы "и включения в множество". Они считаются равноправными. Источник данного блока – союз "и нормального развития повествования".

Наконец, степень V описывает развитие из союза "и перечисления" союза "и сходства ситуаций".

Лексемы союза-частицы *и*, очевидно, не имеют семантического инварианта. Как указал (устно) Н.В. Перцов, таким инвариантом мог бы быть смысл 'объединение в сознании говорящего объектов или ситуаций'. Однако в семантику частицы "и собственно дейксиса" этот смысл не входит. Заметим, кроме того, что этот инвариант может оказаться тривиальным, поскольку слишком похож на категориальное значение союзов вообще.

В некоторых случаях общность лексем данного слова устанавливается вообще не на уровне семантики. Другие случаи представляют собой образец цепочечной полисемии: два соседних значения связаны друг с другом, но отдаленные друг от друга лексемы (таковы, например, "и нормального развития событий" и "и перечисления") не имеют общих компонентов. Семантическая общность некоторых соседних лексем слова *и* кажется очень небольшой – это всего лишь мелкие кварки. Однако лексемы слова *и* настолько семантически бедны, что данные кварки представляются нетривиальной общей частью их значения¹⁰.

Мы попытались представить структуру полисемии слова *и* так, чтобы была ясна ло-

¹⁰ О нетривиальной общей части значений лексем как семантическом звене, объединяющем данные лексемы внутри многозначного слова, см. [Апресян 1974: 185].

гика развития его значений. В результате получили некий конструкт, отчасти эксплицирующий семантические связи между разными лексемами данного слова. Этот конструкт мы называем логической схемой, или структурой, полисемии союза-частицы *и*. Понятие логической схемы полисемии автор обсуждал с Е.Э. Бабаевой, которой приносит свою глубокую благодарность. (Мы впервые ввели это понятие при описании слова *дух*. Соответствующие результаты были доложены нами на семинаре по теоретической семантике и лексикографии в ИППИ РАН (январь, 1998 г.) в докладе "Синхрония и диахрония в семантике", сделанном совместно с Е.Э. Бабаевой.)

В структуре полисемии слова *и* исходным, логически первым значением оказалась частица "*и* собственно дейксиса", ср. *Я и не узнала вас*. Ясно, однако, что она не может претендовать на роль центральной лексемы слова *и*. Таковой, очевидно, является лексема "*и* перечисления", ср. *Ваня и Петя*. Тем самым, логическая схема полисемии не отражает реальной иерархии значений внутри слова.

Эту иерархию отражает иной конструкт – принятое в словарях деление многозначного слова на блоки значений, подзначения и т.п. В сжатом виде такую реальную иерархию значений отражает синопсис слова¹¹. Приведем синопсис слова *и*:

Блок I:

и 1.1 ("*и* перечисления", союз): *Идут Ваня и Петя*;

и 1.2 ("*и* исчерпанного множества, союз): *Пришли и Ваня, и Петя, и Наташа*;

и 1.3 ("*и* включения в множество", частица): *Пришел и Петя*;

и 1.4 ("*и* усиления отрицания", частица): *Я и не подозревал об этом*; *И в мыслях не было*.

Блок II:

и 2.1 ("*и* нормального развития повествования", союз): *Ваня сидел и ел творог, и творог был очень вкусным*;

и 2.2 ("*и* причинно-следственное", союз): *Коля ушел домой, и Петя оставался в школе*;

и 2.3 ("*и* нормального развития событий", частица): *Он начал ухаживать за Машей, на ней потом и женился*.

Блок III:

и 3.1 ("*и* сходства ситуаций", союз): *Коля рыжий, и Ваня рыжий*.

и 3.2 ("*и* навязчивого вопроса", союз): *И зачем он это сделал?*

и 3.3 ("*и* восклицания", союз): *И пел же он!*

Блок IV:

и 4.1 ("*и* единства времени и места", частица): *Тут отец и говорит...*

и 4.2 ("*и* собственно дейксиса", частица): *Я и не узнала вас*.

Как видим синопсис как союза, так и частицы *и*, отражая значимость, употребительность той или иной лексемы данного слова в языке, все же не вскрывает связи между лексемами, производность одного значения от другого – эти связи выявляет логическая схема полисемии. Но стоит ли за последним конструктом какая-нибудь языковая реальность?

Можно предположить, что логическая схема полисемии в какой-то степени отражает историю развития значений данного слова. Разумеется, история слова предполагает не только развитие у слова новых значений (или утрату каких-то значений), но и перестройку их иерархии: центральное значение слова оттесняется на периферию, какие-то значения становятся стилистически отмеченными и т.п. Однако такая перестройка (которая в частном случае может и не происходить) в каком-то смысле

¹¹ "Синопсис – новый лексикографический жанр, который постепенно пробивает себе дорогу и в большие, и в малые словари. Это своего рода оглавление или путеводитель по словарной статье, облегчающий поиск новой информации" [Апресян 1991: 11].

является вторичным явлением – она как бы накладывается на логическую схему полисемии¹².

Понятие логической схемы полисемии аналогично понятию парадигмы многозначности, предложенному Е.В. Падучевой (соответственно понятие исходной лексемы многозначного слова аналогично понятию корневой лексемы), см. [Падучева 1998]. Различие состоит в том, что мы учитываем возможность перестройки первичной схемы полисемии во времени.

На наш взгляд, логическая схема полисемии может интерпретироваться как своего рода внутренняя (т.е. базирующаяся на данных одного языка) реконструкция семантики многозначного слова. Однако поскольку история слова часто начинается в эпоху праязыка, то внутренняя реконструкция данного лингвистического объекта в идеале должна сочетаться с реконструкцией внешней, т.е. с реконструкцией, опирающейся на данные родственных языков. О такой внешней семантической реконструкции слова см. [Бабаева 1998]¹³. Сейчас для нас существенна связь между синхронным и диахронным описанием многозначного слова – логическая схема полисемии, будучи конструктом синхронного описания, в какой-то степени отражает диахронию, фиксирует историю развития слова¹⁴.

Мы надеемся, что логическая схема полисемии союза-частицы *и* может прояснить этимологию этого слова. Автор надеется посвятить этому вопросу отдельную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю.Д. 1991 – Об интегральном словаре русского языка // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
- Апресян Ю.Д. 1995 – О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бабаева Е.Э. 1998 – Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова // ВЯ. 1998. № 3.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1956.
- Белошапкова В.А. 1967 – Сложное предложение в современном русском языке: Некоторые вопросы теории. М., 1967.
- Бергелъсон М.Б., Кибрик А.Е. 1981 – Прагматический "принцип Приоритета" и его отражение в грамматике языка // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
- Вежбицка А. 1978 – Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. М., 1984.
- Дейк Т. ван 1978 – Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.
- Зализняк А.А. 1962 – О возможной связи между операционными понятиями синхронного описания и диахронией // Симпозиум по структурному изучению языковых систем. Тезисы докладов. М., 1962.
- Знаменская А.В. 1964 – Частица И в современном русском языке // Смоленский гос. пед. ин-т им. К. Маркса. Уч. зап. Вып. XIII. Ч. I: Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания. Смоленск, 1964.

¹² Перестройка логической схемы полисемии была продемонстрирована нами также на примере слова *дух*, см. [Урысон 1999].

¹³ Разумеется, реконструкция лингвистического объекта должна верифицироваться типологическими данными, см. об этом [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. О возможности типологии в области семантической истории слова см. [Бабаева 1998].

¹⁴ Ср. в связи с этим гипотезу, предложенную в [Зализняк 1962].

- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. 1996 – К семантике русских причинных предлогов (ИЗ-ЗА любви ~ ОТ любви ~ ИЗ любви ~ *С любви ~ ПО любви) // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.
- Крейдлин Е.Г., Падучева Е.В. 1974а – Значение и синтаксические свойства союза *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 9.
- Крейдлин Е.Г., Падучева Е.В. 1974б – Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10.
- Лауфер Н.И. 1987а – Линеаризация компонент сочинительной конструкции // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Лауфер Н.И. 1987б – Сочинительные конструкции с соотносительными выражениями // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрика и А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Левин Ю.И. 1970 – Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.
- Левонтина И.Б. 1997 – Словарная статья ИЗ-ЗА 4 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1997.
- МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах. Т. 1–4. М. 1985–1990.
- Николаева Т.М. 1985 – Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков. М., 1985.
- Николаева Т.М. 1997 – Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства и различия // Славянские сочинительные союзы. М., 1997.
- Падучева Е.В. 1998 – Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ. 1998. № 5.
- Перцов Н.В. 1996 – О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Пешиковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Сатников В.З. 1989 – Русские сочинительные конструкции. М., 1989.
- Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка: В 4-х томах / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т. М., 1935–1940.
- Шведова Н.Ю. 1960 – Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
- Шмелев Д.Н. 1973 – Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973.
- Урысон Е.В. 1995 – Словарная статья местоимения САМ: проблемы описания лексической многозначности // Теоретическая лингвистика и лексикография: Опыты системного описания лексики. М., 1995.
- Урысон Е.В. 1996 – Синтаксическая деривация и "наивная" картина мира // ВЯ. 1996. № 4.
- Урысон Е.В. 1998 – Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2.
- Урысон Е.В. 1999 – *Дух и душа*: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Якобсон Р. 1983 – В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983.
- Lakof R. 1971 – If's, and's, and but's about conjunction // Studies in linguistic semantics / Ed. Ch. J. Fillmore and D.T. Langendoen. N.Y. etc. 1971.
- Wierzbicka A. 1996 – The semantics of logical concepts // Московский лингвистический журнал. Т. 2. М., 1996.